

Преподобный
Иоанн Лествичник

Икона «Лествица». Конец XII в.

Преподобный
Иоанн Синайский

ЛЕСТВИЦА

Издательство
Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
2015

УДК 248
ББК 86 372
И 75

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р14–416–1474

Иоанн Синайский, преподобный.

И 75 Лествица. — М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. — 608 с.: ил.

«Лествица» преподобного Иоанна на протяжении веков была и остается одним из самых известных и читаемых аскетических творений во всем христианском мире. Современному русскому читателю она знакома главным образом по переводу, подготовленному в Оптиной пустыни в 1850-е годы под руководством преподобного Макария. Этот перевод и переиздается в настоящей книге.

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2015

ISBN 978-5-88017-310-5

К читателю

Прошло около четырнадцати веков с тех пор, как преподобный Иоанн, игумен Синайский, написал знаменитую «Лествицу», в которой изложил свой духовный опыт — то, что он сам видел и пережил. Быстро распространившись среди иноков, «Лествица» вскоре стала одним из самых известных и читаемых аскетических творений во всем христианском мире. Написанная первоначально на греческом языке, в последующие века она была переведена на языки многих народов. Духовные наставники всегда рекомендовали ее в качестве надежного и несомненного практического руководства к деятельному подвижничеству — и не только монахам, которым она была непосредственно адресована, но и мирянам.

Содержание «Лествицы» неисчерпаемо. В ее первых степенях, или словах, излагаются основания подвижничества, следующие подробно описывают подвиг совлечения ветхого человека, способы искоренения пороков и исцеления от страстей, а последние повествуют о совершеннейших добродетелях и степенях созерцательной жизни — о высочайшем смиренномудрии, о священном безмолвии и предстоянии в молитве душою и телом, о земном небе и воскресении души прежде общего воскресения.

Во многих русских монастырях книга преподобного Иоанна Лествичника, наряду с «Душеполезными поучениями» аввы Дорофея, была и остается настольной книгой как для новоначальных иноков, так и для опытных монахов.

В 1862 году вышел в свет русский перевод «Лествицы», подготовленный в Оптиной пустыни под руководством старца иеросхимонаха Макария (Иванова). В основу этого перевода был положен славянский текст в редакции преподобного Паисия (Величковского). В работе над изданием принимали участие иеромонах Амвросий, будущий

оптинский старец, иеромонах Ювеналий (Половцев), впоследствии архиепископ Литовский, иеромонах Климент (Зедергольм) — люди высоко образованные и опытно проходившие духовный подвиг под руководством оптинских старцев. Непосредственное участие в работе над «Лествицей» принимал и сам преподобный Макарий, о котором, как и о старце Паисии, можно сказать, что он был «мужем, исполненным духовного разума, прошедшим опытом духовные советы святого отца [Иоанна Лествичника], не постигаемые одним книжным обучением, будучи притом и сам достойным преемником иноческих добродетелей великого старца».

Предпринимая новое переиздание русского перевода «Лествицы», над которым трудились в разное время столь замечательные подвижники, хотим пожелать, чтобы все начертанное на этих «скрижалях духовных» послужило к пользе наших современников, как иноков, так и мирян, чтобы они, пользуясь этим непогрешительным руководством, содевали свое спасение, восходя как бы по лестнице, утвержденной «даже до небесных врат», к духовному совершенству.

Текст печатается по изданию: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица в русском переводе с алфавитным указателем. 7-е изд. Козельской Введенской Оптиной пустыни. Сергиев Посад, 1908. Орфография в основном приведена к современным нормам. Редакцией добавлены пояснения некоторых слов и выражений, которые могут быть непонятны современному читателю, а в некоторых случаях даны варианты из других русских переводов, кратко обозначаемых как «пер. XVIII в.» и «пер. МДА» (о них см. в статье на с. 577–602), а когда тексты в этих переводах одинаковы или сходны, дается один вариант с пометкой «в др. переводах».

Редакторские комментарии приводятся в подстрочнике, наряду с имеющимися в указанном оптинском издании, которые в основном тексте «Лествицы» для различения отмечаются звездочкой в конце. Все подстрочные комментарии в «Примечаниях к жизнеописаниям преподобного Иоанна Лествичника» добавлены редакцией настоящего издания, а в «Примечаниях к Лествице», кроме нескольких пояснений слов, принадлежат их составителям («Примечания» составлены в Оптиной пустыни). Ссылки на «Примечания к Лествице», помещенные в конце книги, даются в тексте цифрами в квадратных скобках. Точные цитаты из Священного Писания выделяются курсивом, пропуски и незначительные перестановки слов, как правило, не отмечаются; неточные цитаты, а также аллюзии не выделяются, но отмечены ссылками. Редакторские вставки в тексте даются в квадратных скобках.

В конце книги помещена статья, посвященная истории переводов и изданий «Лествицы», где подробно рассмотрена история русского перевода, подготовленного в Оптиной пустыни и переиздаваемого в настоящей книге.

Предисловие книги сей, именуемой «Скрижали духовные»

Всем, поспешающим написать имена свои в книге жизни на небесах, настоящая книга показывает превосходнейший путь. Шествуя сим путем, увидим, что она непогрешительно руководит последующих ее указаниям, сохраняет их неуязвленными от всякого преткания и представляет нам лестницу утвержденную, возводящую от земного во Святая Святых, на вершине которой утверждается Бог любви. Сию, думаю, лестницу видел и Иаков, запинатель¹ страстей, когда покоился на подвижническом ложе². Но взойдем, умоляю вас, с усердием и верой на сей умственный и небошественный восход, начало которого — отречение от земного, а конец — Бог любви.

Преподобный отец премудро рассудил, устроивши для нас восхождение, равночисленное возрасту Господнему по плоти; ибо в образ тридцати лет Господнего совершеннолетия гадательно³ изобразил лестницу, состоящую из тридцати степеней духовного совершенства, по которой, достигши полноты возраста Господня, мы явимся поистине праведными и непреклонными к падению. А кто не достиг сей меры возраста, тот еще младенец и по точному свидетельству сердца окажется несовершенным. Мы признали за нужное прежде всего поместить в этой книге житие преподобного премудрого отца, чтобы читатели, взирая на его подвиги, удобнее поверили его учению.

¹ Запинать — останавливать, удерживать.

² Быт. 28, 10—13. Имя Иаков (евр.) означает «запинатель».

³ Гадательно — здесь в значении «тайнственно».

Краткое описание жития аввы Иоанна, игумена святой горы Синайской, прозванного схоластиком¹, поистине святого отца, составленное монахом раифским Даниилом, мужем честным и добродетельным

Не могу сказать с достоверной точностью, в каком достопамятном граде родился и воспитывался сей великий муж до исшествия своего на подвиг брани, а какой град ныне покоит и нетленной пищей питает сего дивного, это мне известно. Он пребывает ныне в том граде, о котором говорит велегласный Павел, взывая: *Наше житие на небесех есть* (Флп. 3, 20). Невещественным чувством насыщается он блага, которым невозможно насытиться, и наслаждается невидимой добротой, духовно утешается духовным², получив воздаяния, достойные подвигов, и почесть за труды, нетрудно понесенные³, — тамошнее наследие, и навсегда

¹ Схоластиками в древности назывались риторы, законоведы или вообще люди ученые.* (Звездочкой отмечены примечания, имеющиеся в оптинском издании. — *Примеч. ред.*)

² В слав.: *умом единым радуясь о Уме мысленно созерцаемом*.* В пер. XVIII в.: *невидимо насыщается и наслаждается доброты, ум его увеселяющая*.

³ В пер. XVIII в.: *болезнем безболезненную почесть*.

соединившись с теми, которых *нога ста на правоте* (Пс. 25, 12). Но как сей вещественный достиг невещественных сил и совокупился с ними, это я постараюсь изъяснить по возможности.

Будучи шестнадцати лет телесным возрастом, совершенством же разума тысящелетен, сей блаженный принес себя самого как некую чистую и самопроизвольную жертву Великому Архиерею¹ и телом восшел на Синайскую, а душой на небесную гору. С тем, думаю, намерением, чтобы от видимого сего места иметь пользу и лучшее наставление к достижению невидимого. Итак, отсеки бесчестную дерзость отшельничеством, сею обладательницею наших мысленных отроковиц², восприняв же благолепное смиренномудрие, он при самом вступлении в подвиг весьма благоразумно отогнал от себя обольстительное самоугодие и самоверие, ибо преклонил свою выю и вверил себя искуснейшему учителю, чтобы при благонадежном его руководстве непогрешительно переплывать бурное море страстей. Умертвив себя таким образом, он имел в себе душу как бы без разума и без воли, совершенно свободную и от естественного свойства, а еще удивительнее то, что, обладая внешней мудростью, он обучался небесной простоте. Дело преславное! Ибо кичливость философии не совмещается со смирением. Потом, по прошествии девятнадцати

¹ Господу Иисусу Христу.

² Т. е. страстей (см.: Слово 3).*

лет, предпослав к Небесному Царю своего учителя как молитвенника и заступника¹, и сам он исходит на поприще безмолвия, нося сильные на разорение твердынь оружия (2 Кор. 10, 4) — молитвы великого (своего отца). И, избрав место, удобное к подвигам уединения, в пяти стадиях² от храма Господня (место это называется *Фола*), он провел там сорок лет в неослабных подвигах, всегда пылая горящей ревностью и огнем божественным. Но кто может выразить словами и восхвалить сказанием труды его, там понесенные? И как явно представить всякий труд его, который был тайным сеянием? Впрочем, хотя через некоторые главные добродетели известимся о духовном богатстве сего блаженного мужа.

Он употреблял все роды пищи, без предосуждения разрешаемые иноческому званию, но вкушал весьма мало, премудро сокрушая и через это, как я думаю, рог кичливости. Итак, малоядением угнетал он госпожу оную, то есть плоть, многого похотливо желающую, голодом вопия к ней: *Молчи, престань* (Мк. 4, 39). Тем же, что вкушал от всего понемногу, поработал он мучительство славолубия; а пустынножитием и удалением от людей утолил он пламень сей (то есть телесной) печи, так что он совсем испепелился и угас совершенно. Милостыней и скудостью во всем потребном мужественный

¹ Т. е. после кончины своего учителя.

² Стадия — древнегреческая мера длины, равная приблизительно 150–190 м.

сей подвижник мужественно избежал идолослужения, то есть сребролюбия (Кол. 3, 5); от ежечасной смерти душевной, то есть от уныния и расслабления, восставлял он душу, возбуждая ее памятью телесной смерти, как остном¹; а сплетение пристрастия и всяких чувственных помыслов разрешил невещественными узами святой печали. Мучительство гнева еще прежде было в нем умерщвлено мечом послушания; неисходным же уединением и всегдашним молчанием умертвил он пиявицу паутинного тщеславия. Что же скажу о той славной победе, которую сей добрый таинник одержал над восьмой отроковицей?² Что скажу о крайнем очищении, которое сей Веселеил³ послушания начал, а Владыка небесного Иерусалима, пришедши, совершил Своим присутствием; ибо без сего не может быть побежден диавол с сообразным ему полчищем. Где помещу в настоящем нашем плетении венца источник слез его (дарование, не во многих обретающееся), которых тайное делателище и доныне остается — это небольшая пещера, находящаяся у подошвы некоторой горы. Она настолько отстояла от его келлии и от всякого человеческого

¹ Остён — игла, жало, острие.

² То есть гордостью, которая в числе главных восьми страстей есть восьмая.*

³ Веселеил — в дни пророка Моисея искусный мастер, которому по повелению Божию было поручено устройство скинии (Исх. 31, 1–11).

жилища, сколько нужно было для того, чтобы заградить слух от тщеславия; но к небесам она была близка рыданиями и взываниями, подобными тем, которые обыкновенно испускают пронзаемые мечами и прободаемые разжженным железом или лишаемые очей. Сна принимал он столько, сколько необходимо было, чтобы ум не повредился от бдения; а прежде сна много молился и сочинял книги; это упражнение служило ему единственным средством против уныния. Впрочем, все течение жизни его было непрестанная молитва и пламенная любовь к Богу; ибо день и ночь воображая¹ Его во светлости чистоты, как в зеркале², он не хотел или, точнее сказать, не мог насытиться.

Некто из монашествующих, именем Моисей, поревновав житию Иоанна, убедительно просил его, чтобы он принял его к себе в ученики и наставил на истинное любомудрие. Подвигнув старцев на ходатайство, Моисей через их просьбы убедил великого мужа принять себя. Некогда авва повелел сему Моисею переносить с одного места на другое землю, которой требовало удобрение гряд для зелий. Достигши указанного места, Моисей без лености исполнил повеление, но как в полдень настал чрезвычайный зной (а тогда был последний летний месяц), то он уклонился под большой

¹ Воображать — здесь в значении «созерцать», «тайнозреть».*

² В пер. XVIII в.: в светлейшем душевныя чистоты своея зеркале.

камень, лег и уснул. Господь же, Который ничем не хочет опечалить рабов Своих, по обычаю Своему предупреждает угрожавшее ему бедствие. Ибо великий старец, сидя в келлии и размышляя о себе и о Боге, преклонился в тончайший сон и видит священнолепного мужа, который возбуждал его и, посмеиваясь сну его, говорил: «Иоанн, как ты беспечно спишь, когда Моисей в опасности?» Вскочив немедленно, Иоанн вооружился молитвой за ученика своего; и когда тот вечером возвратился, спрашивал его, не случилась ли с ним какая-нибудь беда или нечаянность? Ученик отвечал: «Огромный камень едва не раздавил меня, когда я спал под ним в полдень, но мне показалось, будто ты зовешь меня, и я вдруг выскочил из того места». Отец же, поистине смиренномудрый, ничего из видения не открыл ученику, но тайными воплями и воздыханиями любви восхвалял благого Бога.

Сей преподобный был и образцом добродетелей, и врачом, исцелявшим сокровенные язвы. Некто по имени Исаакий, будучи весьма сильно угнетаем бесом плотской похоти и уже изнемогший духом, поспешил прибегнуть к сему великому и объявил ему свою брань словами, растворенными рыданием. Дивный муж, удивляясь вере его, сказал: «Станем, друг, оба на молитву». И между тем как молитва их кончилась и страждущий еще лежал, повергшись ниц лицом, Бог исполнил волю

раба Своего (Пс. 144, 19), дабы оправдать слово Давидово. И змей, мучимый биениями истинной молитвы, убежал, а недужный, увидев, что избавился от недуга, с великим удивлением воссылал благодарение Прославившему и прославленному.

Другие, напротив, подстрекаемые завистью, называли его (преподобного Иоанна) излишне говорливым и пустословом. Но он вразумил их самим делом и показал всем, что *вся может о укрепляющем* всех *Христе* (Флп. 4, 13). Ибо молчал в течение целого года, так что порицатели его превратились в просителей и говорили: «Заградили мы источник прискотекущей пользы ко вреду общего всех спасения». Иоанн же, чуждый прекословия, послушался и снова начал держаться первого образа жизни.

Потом все, удивляясь преуспеянию его во всех добродетелях, как бы новоявленного Моисея, по неволе возвели его на игуменство братии. И, возвысив сей светильник на свещник начальства, добрые избиратели не погрешили; ибо Иоанн приблизился к таинственной горе, вшедши во мрак, куда не входят непосвященные, и, возводимый по духовным степеням, принял богоначертанное законоположение и видение¹. Слову Божию отверз уста свои, привлек Духа, отрыгнул слово², и *из благаго сокровища*

¹ Исх. 20, 21.

² Пс. 118, 131; 44, 1. Ср. с ирмосом 1-й песни 4-го гласа: «Отверзу уста моя, и наполнятся Духа, и слово отрыгну Царице Матери...»

сердца своего изнес словеса *благая* (Мф. 12, 35). Он достиг конца видимого жития в наставлении новых израильтян, то есть иноков, тем одним отличаясь от Моисея, что вошел в горный Иерусалим, а Моисей, не знаю как, не достиг земного.

Дух Святой говорил его устами, свидетелями этому служат многие из тех, которые спаслись и донныне спасаются через него. Превосходным свидетелем премудрости сего премудрого и подаваемого им спасения был новый оный Давид¹. Свидетелем того же был и добрый Иоанн, преподобный наш пастырь (раифский игумен). Он и убедил сего нового боговидца усильными своими просьбами для пользы братий сойти помышлением с горы Синайской и показать нам свои богописанные скрижали, в которых наружно содержится руководство деятельное, а внутренно — созерцательное². Таким описанием покусился я в немногих словах заключить многое, ибо краткость слова имеет красоту и в искусстве витийства [1]³.

¹ Полагают, что *новым Давидом* назван здесь вышеупомянутый Исаакий.*

² То есть в Лествице внешние слова поучают деятельности, а внутренний духовный разум наставляет к видению.*

В пер. XVIII в.: *в нейже [Лествице] письма зримая делам поучают, а сила в письменах понимаемая боговидению наставляет.*

³ Здесь и далее цифры в квадратных скобках означают номера примечаний к жизнеописаниям прп. Иоанна и к Лествице в конце книги, с. 467–502.

О том же авве Иоанне, игумене Синайской горы, то есть Лествичнике,

повествует один монах синайский,
который был, как и Даниил Раифский,
современником преподобному Иоанну

Некогда авва Мартирий пришел с аввою Иоанном к Анастасию Великому, и сей, взглянув на них, говорит авве Мартирию: «Скажи, авва Мартирий, откуда этот отрок и кто постриг его?» Тот отвечал: «Он раб твой, отче, и я постриг его». Анастасий говорит ему: «О авва Мартирий, кто бы подумал, что ты постриг игумена Синайского?» И святой муж не погрешил: по прошествии сорока лет Иоанн сделан был нашим игуменом.

В другое время авва Мартирий, также взяв с собой Иоанна, пошел к великому Иоанну Савваиту, пребывавшему тогда в пустыне Гуддийской. Увидев их, старец встал, налил воды, умыл ноги авве Иоанну и облобызал его руку, авве же Мартирию ног не умывал и потом, когда ученик его Стефан спросил, почему он так поступил, отвечал ему: «Поверь мне, чадо, я не знаю, кто этот отрок, но я принял игумена Синайского и умыл ноги игумену».

В день пострижения аввы Иоанна (а он постригся на двадцатом году своей жизни) авва Стратигий предсказал о нем, что он будет некогда великой звездой.

В тот самый день, когда поставили Иоанна нашим игуменом и когда сошлось к нам около шестисот посетителей и все они сидели, вкушая пищу, Иоанн видел мужа с короткими волосами, одетого по-иудейски в плащаницу, который как некий распорядитель ходил повсюду и раздавал приказания поварам, экономам, келарям и прочим служителям. Когда те люди разошлись и служители сели за трапезу, искали сего, повсюду ходившего и раздававшего приказания, но нигде не нашли. Тогда раб Божий, преподобный отец наш Иоанн, говорит нам: «Оставьте его, господин Моисей ничего не сделал странного, послужив в своем месте».

Некогда в Палестинских странах было бездождие, авва Иоанн по прошению тамошних жителей помолился, и сошел обильный дождь. И нет ничего тут невероятного, ибо *волю боящихся Его сотворит Господь и молитву их услышит* (Пс. 144, 19).

Надобно знать, что Иоанн Лествичник имел родного брата, чудного авву Георгия, которого он еще при жизни своей поставил в Синае игуменом, сам любя безмолвие, которое и сначала уневестил себе сей премудрый. Когда же Моисей этот, преподобный игумен наш Иоанн, отходил ко Господу, тогда авва Георгий, брат его, стоял перед ним и говорил со слезами: «Итак, ты оставляешь меня и отходишь. Я молился, чтобы ты проводил меня, ибо я не возмогу без тебя, господине мой, руководить

сию дружину. Но теперь мне должно проводить тебя». Авва Иоанн сказал ему на это: «Не скорби и не заботься, если буду иметь дерзновение ко Господу, то не оставлю тебя провести здесь и один год после меня». Что и сбылось, ибо на десятый месяц потом отошел и сей ко Господу [2].

Послание святого Иоанна, игумена Раифского, к досточудному Иоанну, игумену Синайской горы

Вышеестественному и равноангельному отцу отцов и превосходнейшему учителю грешный Раифский игумен желает радоваться о Господе.

Зная прежде всего беспрекословное твое о Господе послушание, украшенное, впрочем, и всеми добродетелями, и в особенности там, где надлежит умножить данный тебе от Бога талант, мы, убогие, употребляем поистине убогое и недостаточное слово, припоминая сказанное в Писании: *Вопроси отца твоего, и возвестит тебе, старцы твоя, и рекут тебе* (Втор. 32, 7). И потому, припадая к тебе как к общему всех отцу и старшему в подвижничестве, сильнейшему в быстромии и превосходнейшему учителю, сим писанием нашим молим тебя, о глава добродетелей, преподай нам, невежественным, то, что ты видел в боговидении, как древний Моисей,

и на той же горе, и изложи это в книге, как на богописанных скрижалях, в назидание новых израильтян, то есть людей, новоисшедших из мысленного Египта и из моря житейского. И как ты в оном море вместо жезла богоглаголивым языком твоим при содействии Божиим чудодествовал, то и ныне, не презирая нашего прошения, благоволи о Господе для спасения нашего благорассудительно и нелепно начертать законы, свойственные и приличные монашескому житию, будучи поистине великим наставником всех начавших такое ангельское жительство. Не подумай, будто слова наши происходят от лести или ласкательства: тебе, о священная глава, известно, что мы чужды таких действий, но в чем все уверены, что, вне всякого сомнения, видимо всеми и о чем все свидетельствуют, то и мы повторяем. Итак, надеемся о Господе скоро получить и облобызать ожидаемые нами драгоценные на скрижалях оных начертания, которые могут служить непогрешительным наставлением для истинных последователей Христовых и, как лестница, утвержденная даже до небесных врат (Быт. 28, 12), возводить произволяющих, чтобы они безвредно, безбедственно и невозбранно проходили полчища духов злобы, миродержителей тьмы и князей воздушных (Еф. 6, 12). Ибо если Иаков, пастырь бессловесных овец, видел на лестнице такое страшное видение, то тем более предводитель словесных

агнцев не только видением, но и делом и истиною¹ может показать всем непогрешимый восход к Богу. Здравствуй о Господе, честнейший отче!

**Ответ.
Иоанн Иоанну желает
радоваться**

Получил я воистину достойное высокого и бесстрастного жития твоего и чистого и смиренного твоего сердца посланное тобою к нам, нищим и убогим в добродетелях, честное твое писание или, лучше сказать, заповедь и повеление, превосходящее нашу крепость. Так, это поистине тебе и твоей священной душе свойственно просить поучительного слова и наставления у нас, необученных и невежественных делом и словом, ибо она привыкла всегда показывать нам в себе образец смиренномудрия. Впрочем, скажу и я теперь, что если бы мы не боялись впасть в великую беду отвержением от себя святого ига послушания, матери всех добродетелей, то и не дерзнули бы безрассудно на предприятие, превосходящее нашу силу.

Тебе, дивный отче, следовало бы, спрашивая о таких предметах, научиться от мужей, хорошо

¹ Т. е. не только представлением образной лестницы оной в видении, но и самих добродетелей, степенями ее изображаемых, опытным и истинным описанием.*

познавших это, ибо мы находимся еще в разряде учащихся. Но как богоносные отцы наши и тайноучители истинного познания определяют, что послушание есть несомненная покорность повелевающим и в тех делах, которые превышают нашу силу, то мы, благочестно презревши нашу немощь, смиренно покусились на труд, превосходящий нашу меру, хотя и не думаем принести тебе какую-нибудь пользу или объяснить нечто такое, что и ты, священная глава, знаешь не меньше нас. Ибо не только я уверен, но и всякий, думаю, из здравомыслящих знает, что око ума твоего чисто от всякого земного и мрачного возмущения мрачных страстей и невозбранно взирает на божественный свет и озаряется им. Но, боясь смерти, рождающейся от непослушания, и как бы движимый сею боязнью на послушание, приступил я к исполнению всечестного повеления твоего со страхом и любовью, как искренний послушник и непотребный раб превосходнейшего живописца, и при скудном моем знании и недостаточном выражении, одним только чернилом однообразно начертав живые слова, предоставляю тебе, начальник учителей и чинов начальник, все это украсить, уяснить и, как исполнителю скрижалей и закона духовного, недостаточное восполнить. И не к тебе посылаю сей труд, нет, это было бы знаком крайнего неразумия, ибо ты силен о Господе не только иных, но и нас самих утверждать

в божественных нравах и учениях, но к богозванной дружине братий, которые вместе с нами учатся у тебя, о избранный учитель! К ним-то через тебя начинаю сие слово; их и твоими молитвами, как бы некими водами надежды будучи подъемлем, при всей тяжести невежества простираю ветрило трости и со всяким молением передаю кормило слова нашего в руки доброму нашему сокормчему. Притом прошу всех читающих: если кто здесь усмотрит нечто полезное, то плод всего такого, как благоразумный, да приписывает великому наставнику нашему, а нам да просит воздаяния у Бога за сей слабый труд, не на бедность сочинения (поистине всякой неопытности исполненного) взирая, но принимая намерение приносящего, как вдовичье приношение¹, ибо Бог воздает награду не множеству даров и трудов, но множеству усердия.

¹ У прп. Паисия Величковского: *вдовическое предложение*. В печатной греч. книге [Патрология Миня]: *κυριακήν* (вероятно, вместо *χηριακήν*) *πρόθεσιν*.*

В работе над Лествицей принимал участие также иеромонах Климент (Зедергольм). Выходец из протестантской семьи, человек прекрасно образованный и хорошо знавший древние и современные языки, он был присоединен к православию в скиту Оптиной пустыни в 1853 году и с тех пор не прерывал с ней общения. С 1863 года, став послушником, помогал старцу Амвросию в его переписке и занимался подготовкой духовных изданий, в том числе и переводами с греческого языка на русский.

Результатом соборного труда братии стал перевод Лествицы, высоко оцененный современниками и выдержавший испытание временем. Замечательная его характеристика содержится в словах русского мыслителя, дипломата и философа, близкого к Оптиной пустыни, Константина Николаевича Леонтьева¹: «Я по опыту знаю, до чего велика разница в степени действия старославянских переводов этой книги и новейшего перевода оптинского, в котором участвовал отец Климент. Хотя я понимаю церковнославянский язык порядочно, но все-таки, читая в первый раз Иоанна Лествичника в новом переводе, я почувствовал, что прежде от меня ускользало множество замечательных тонкостей и самых верных и глубоких психологических оттенков в этих поучениях. Самая византийская риторика вступлений и заключений св. Иоанна передана так хорошо, что она в литературном даже смысле нравится и поражает»².

И. Быкова

¹ Последние годы жизни К. Н. Леонтьев провел близ Оптиной пустыни, принял монашеский постриг в Иоанно-Предтеченском скиту с именем Климент. † 12 ноября 1891 г. Похоронен в Гефсиманском скиту Троице-Сергиевой лавры.

² *Леонтьев К. Н.* Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни. М., 1997. С. 39–40.

Содержание

К читателю	5
Предисловие книги сей, именуемой «Скрижали духовные»	8
Краткое описание жития аввы Иоанна, игумена святой горы Синайской, прозванного схоластиком, поистине святого отца, составленное монахом раифским Даниилом, мужем честным и добродетельным	9
О том же авве Иоанне, игумене Синайской горы, то есть Лествичнике, повествует один монах синайский, который был, как и Даниил Раифский, современником преподобному Иоанну	17
Послание святого Иоанна, игумена Раифского, к досточудному Иоанну, игумену Синайской горы	19
Ответ. Иоанн Иоанну желает радоваться	21
ЛЕСТВИЦА. Подвижнические слова аввы Иоанна, игумена монахов Синайской горы, посланные им к авве Иоанну, игумену Раифскому, который побудил его к сему сочинению	25
Слово 1. Об отречении от жития мирского	27
Слово 2. О беспристрастии, то есть отложении попечений и печали о мире	41
Слово 3. О странничестве, то есть уклонении от мира	47
О сновидениях, бывающих новоначальным	54
Слово 4. О блаженном и приснопамятном послушании	57
О разбойнике покаявшемся	62
Об Исидоре	69
О Лаврентии	72
Об экономе	73
Об Аввакуме	75
Об архидиаконе Македонии	77
О преподобном Мине	79

О первом обольщении	90
О втором обольщении	90
О преподобном Акакии	104
Об Иоанне Савваите, или Антиохе	106
Слово 5. О попечительном и действительном покаянии и также о житии святых осужденников и о Темнице	116
Слово 6. О памяти смерти	136
Слово 7. О радостотворном плаче	144
Слово 8. О безгневи и кротости	164
Слово 9. О памятозлобии	174
Слово 10. О злословии и клевете	178
Слово 11. О многоглаголании и молчании	183
Слово 12. О лжи	187
Слово 13. Об унынии и лености	190
Слово 14. О любезном для всех и лукавом владыке чреве	196
Предисловие к пятнадцатому слову. О человеках, во плоти живущих подобно бесплотным	207
Слово 15. О нетленной чистоте и целомудрии, которое тленные приобретают трудами и потами	208
Слово 16. О сребролюбии	237
Слово 17. О нестяжании	239
Слово 18. О нечувствии, то есть об омертвлении души, и о смерти ума, предвещающей смерть тела	243
Слово 19. О сне, о молитве и псалмопении в соборе бра- тний	247
Слово 20. О бдении телесном: как мы чрез него достигаем духовного и как должно оно проходить	250
Слово 21. О малодушной боязливости, или страховании	255
Слово 22. О многообразном тщеславии	258
Слово 23. О безумной гордости	270
О неизъяснимых хульных помыслах	277
Слово 24. О кротости, простоте и незлобии, которые не от природы происходят, но приобретаются тщанием и трудами, и о лукавстве	283

Слово 25. Об искоренителе страстей, высочайшем сми- ренномудрии, бывающем в невидимом чувстве	290
Слово 26. О рассуждении помыслов, и страстей, и добро- детелей	312
О благорассмотрительном рассуждении	342
Краткое содержание предыдущих слов	365
Слово 27. О священном безмолвии тела и души	375
О различных видах безмолвия	382
Слово 28. О матери добродетелей, священной и блаженной молитве, и о предстоянии в ней умом и телом	400
Слово 29. О земном небе, или о богоподражательном бес- страстии и совершенстве, и воскресении души пре- жде общего воскресения	415
Слово 30. О союзе трех добродетелей, то есть о вере, на- дежде и любви	422
Краткое увещание, которое содержит в себе все то, что говорено было в книге сей пространно	431
Преподобного Иоанна Лествичника слово особенное к пас- тырю, научающее, каков должен быть наставник сло- весных овец	432
ПРИМЕЧАНИЯ. АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	467
Примечания к жизнеописаниям преподобного Иоанна	469
Примечания к Лествице преподобного Иоанна	472
Алфавитный указатель	505
Лествица преподобного Иоанна	579
Об авторе	579
О рукописной традиции, переводах и печатных изда- ниях Лествицы	581
О русском переводе Лествицы, подготовленном в Оптиной пустыни	589

Духовно-просветительское издание

Преподобный Иоанн Синайский ЛЕСТВИЦА

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*
Редакторы *И. Быкова, А. Концевенко*
Дизайн *А. Кулемин*
Технический редактор *З. Кондрашова*
Корректор *Г. Абудеева, Е. Седых*
Верстка *Ю. Рахманина, М. Алимпиев*

*Иконы монастыря Святой Екатерины (Синай),
фотографии архива Издательского совета
Русской Православной Церкви*

Подписано в печать 27.01.2015.
Формат 70×100 1/32. Объем 19,0 п. л.
Печать офсетная. Тираж 10 000 экз. Заказ №

Издательство Московской Патриархии
Русской Православной Церкви
119435, Москва, Погодинская ул., 18

Оптовый отдел реализации:
+7 (499) 246-20-85, +7 (499) 246-52-08
Магазин на ул. Погодинской: +7 (499) 245-30-68
Магазин на ул. Бакунинской: +7 (499) 246-25-35
E-mail: books@rop.ru
http://www.rop.ru